

РАЗМЫШЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГА

УДК 392

© С.А. Арутюнов

МОЯ ДИАСПОРА

Публикуемый ниже материал посвящен, главным образом, личным наблюдениям автора в середине и конце XX века над положением армянского населения разных регионов Кавказа и отношением как окружающего большинства к армянам, так и администрации, как к самому этому населению, так и к памяти о его присутствии.

Ключевые слова: армяне, диаспора, хачкар, кладбища, захоронения.

Между нуклеусом и отщепенями – глядя извне и изнутри

В последние годы в нашей антропологической науке возрастает многообразие жанров научного самовыражения. Наряду с классическими форматами монографического описания, историко-этнографического очерка, проблемного исследования одностороннего характера (того типа, который в западной литературе называется «кейс-стади») или противопоставляемого ему кросскультурного исследования и так далее, все большую популярность приобретают различные исследования «эссеистского» типа, достаточно разнообразные по степени детализации и манере построения, но в целом более свободные, чем строго научные аналитические тексты, характерные для классической академической науки.

Предлагаемые вниманию читателя наброски никоим образом не претендуют на полноту охвата темы и, наверное, во многом приближаются к произведениям мемуарного жанра. Впрочем, насколько это так, следует судить читателю, а не автору. Автор, с одной стороны, этнически является армянином. Таково, в общем и целом, его самосознание. С другой стороны, как профессиональный антрополог автор не может не отдавать себе отчета в том, насколько это самосознание условно. Употребляя такое сугубо ненаучное выражение как «кровь», я должен признать, что сам не смогу точно определить количество собравшихся и смешавшихся во мне «кровей», причем некоторые из них никак не отражаются на моем самосознании, а другие это самосознание определяют.

С отцовской стороны, безусловно, у меня есть, наряду с армянскими, и грузинские предки, а с материнской, наряду со столь же безусловно отразившимися в моем формировании на этапе раннего детства русскими, украинскими и немецкими «корнями», существуют и практически никак не отразившиеся во мне, но реально суще-

ствующие итальянские «корни» (неаполитанка Луиза-Тереза Каппаччио была моей прабабушкой по матери), и восходящие к петровским временам австро-венгерские, и полумифические печенежские и другие, только одному Богу ведомые генетические истоки.

Русский и грузинский в равной мере я могу назвать своими родными языками. Песни и сказки на украинском языке пела и рассказывала мне моя бабушка Антонина Ивановна Кириченко, для которой родными языками были украинский и немецкий. С раннего детства обучала она меня немецкому языку, и даже итальянский язык я до сих пор отчасти понимаю, потому что иногда бабушка на нем говорила с сестрой моего дедушки, Софьей Андреевной Саломон, с рождения и вплоть до замужества жившей в Италии.

Нынешние наброски не претендуют на всесторонний разбор армянского самосознания и чувства идентичности, которые принимают разные очертания и в самой Армении и во всех странах ближнего и дальнего армянского зарубежья. Это всего лишь эссе, посвященное отдельным разнообразным эпизодам сложного процесса расселения армян в мире, это всего лишь результат эпизодического включенного наблюдения, проводившегося одним из носителей этой идентичности, волею судеб оказывавшегося в разных регионах и странах, но повсюду встречавшего, в тех или иных масштабах и формах, своих соплеменников.

Армяне – народ сложной, трудной и противоречивой исторической судьбы. Условно, исконной этнической территорией армян можно считать в целом все Армянское Нагорье. Однако, армяне никогда не были его единственными обитателями, а, напротив, в обозримом прошлом, т.е. начиная с конца второго тысячелетия до н.э. всегда занимали его в постоянном чересполосном контакте с народами иной этнической принадлежности – грузинской, северокавказской, иранской и даже древней протоиндоевропейской – малоазийской.

Анализ адстратных и субстратных компонентов армянского языка не может входить в наши задачи, но необходимо указать, что из всех индоевропейских языков от Ирландии и Скандинавии до Шри Ланки и Бенгалии, армянский язык впитал, пожалуй, более всего инородных компонентов и претерпел максимум фонетических изменений, по сравнению с исходным индоевропейским праязыком. Надо сказать, что и сам географический термин Армянское Нагорье нередко заменяется более политкорректным названием Армяно-Курдское Нагорье. Высочайшая гора его Арарат, находящаяся в политических пределах Турции и при этом служащая этническим символом, изображенным на государственном гербе как нынешней республики Армении, так и прежней Армянской ССР, рассматривается местными курдскими племенами как входящая в их символическое духовное достояние, подлежащее охране и природосбережению с их стороны.

В наши дни армян рассматривают, прежде всего, как представителей южнокавказского культурного ареала, (наряду с грузинами и азербайджанцами), но по ряду черт армян можно определить как наименее типичных кавказцев из всех кавказских народов. Например, практически для всего Кавказа характерна ориентированность на дворянское сословие, как референтную группу, и для каждой семьи характерны амбиции, связанные с родом и родовитостью. Для грузин дворянство (азнаурство) и сословие князей (тавадов), для азербайджанцев прослойка беков, на северном Кавказе узденство в разных формах и степенях всегда были референтными вехами, и

это в деталях отражалось в традиционном костюме, этикете, нормах поведения. Однако, в армянский традиционный костюм не входит черкеска с ее орнаментальными принадлежностями – газырями и кинжалом, и это есть предметное отражение того социального факта, что в общественной структуре армян на их общей прародине практически нет и давно уже не было представителей дворянского сословия. А значит армяне давно уже (более тысячи лет) социально ориентированы на что-то другое, но на что именно?

В древности и в раннем средневековье, знатность и принадлежность к княжеским и дворянским родам (к сословию нахараров) имела очень большое значение в социальной стратификации армян. Но многие века жесточайшей борьбы как нахараров между собой, так и еще более соперничающих великих держав Ирана и Малой Азии, привели практически к полному исчезновению нахарарства. В условиях, когда большинство функций государства взяла на себя армянская национальная церковь, именно принадлежность к разным уровням духовенства стала играть основную роль референтной вехи и престижного маркера.

Помимо церковной карьеры, основная масса крестьян, ремесленников и торговцев, оставаясь мирянами, важнейший механизм повышения своего статуса видела, прежде всего, в экономическом, коммерческом успехе. Этот тренд ярчайшим образом проявился в ходе нарастающей диаспоризации этноса, начиная со средних веков и вплоть до новейшего времени.

Вторым ярко выраженным предметным признаком отличия армян от всех остальных кавказцев можно считать культуру винопития. Кавказ – родина дикой виноградной лозы, основной центр ее одомашнивания и развития виноделия. На территории Армянского Нагорья виноделие засвидетельствовано уже в урартских памятниках. Тем не менее, для армян, судя по данным Ксенофонта (середина V в. до н.э.), уже с древности более всего было характерно пивоварение, а с появлением техники перегонки (не менее тысячи лет тому назад) – и более крепкие напитки, типа туговой или кизиловой водки, тогда как у большинства других кавказских народов, даже тех, где сегодня доминирует пивоварение (как у осетин), ранее были популярны вино и брага-медовуха.

Кто бы ни господствовал в разные исторические эпохи на пространствах Большого Кавказа и прилегающих территорий, будь то хетты, киммерийцы, скифы, хазары, греки или римляне, во все времена армяне, находясь между ними и среди них, служили одновременно и передаточным звеном, и фоном, и ареной непрекращающегося противоборства. Даже будучи разделенными между враждующими и конкурирующими державами древности, Средневековья и Нового времени, армяне всегда умели сохранить сознание своего единства – единства языка, происхождения, культуры, веры и исторической судьбы.

Расхожая фраза армянской историографии «Хайоц ашхар цовиц цов», т.е. «армянский мир от моря и до моря», может быть истолкована в двояком смысле. Большой треугольник «армянского мира» вполне может рассматриваться как выходящий своими вершинами к большим морям – Черному, Средиземному, Каспийскому, но в более узком смысле малый треугольник «армянского мира» на протяжении ряда веков упирался в три внутренних «малых моря» Армянского Нагорья – в большие озера Ван, Севан и Урмия. Исконную этническую территорию армян возможно рассматривать, как некоторое пульсирующее пространство в рамках этих двух треу-

гольников, где второй вписан в первый, и почти в любом отдельно взятом его районе или исторической провинции армяне далеко не всегда находились хотя бы в относительном большинстве.

И на Южном Кавказе (так называемом Закавказье) и в Малой Азии, и в Северном Иране практически невозможно сказать, где в то или иное время проходила граница между ядром, или, употребляя более интернациональный термин, нуклеусом «армянской родины» и «отщепенями» его диаспоры.

АРМЯНСКИЕ АВТОРЫ СТО И БОЛЕЕ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД ЧАЩЕ УПОТРЕБЛЯЛИ ТЕРМИНЫ МЕТРОПОЛИЯ И КОЛОНИИ, НО НЫНЕ, КАК И В ТЕКСТАХ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ, ОНИ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ В ИНОМ, ЧИСТО ПОЛИТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ. ДИАСПОРА В ТОМ ИЛИ ИНОМ ВИДЕ СУЩЕСТВОВАЛА ЕЩЕ С РУБЕЖА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ, НАЧИНАЯ С ЗАВОЕВАНИЙ ТИГРАНА ВЕЛИКОГО И ПРОДОЛЖАЯ МАССОВЫМИ ВЫНУЖДЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯМИ ВНУТРИ ИРАНА И ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ИСТОРИИ, ВПЛОТЬ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ТИФЛИССКОЙ И ЭРИВАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, НЕВОЗМОЖНО БЫЛО СКАЗАТЬ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ «ГРУЗИЯ» И НАЧИНАЕТСЯ «АРМЕНИЯ». ПОЭТОМУ, В ЧАСТНОСТИ, ТАК БЕССМЫСЛЕННЫ НЕСКОНЧАЕМЫЕ СПОРЫ О ТОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТОТ ИЛИ ИНОЙ ЗАМКОВЫЙ ИЛИ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС, ПАМЯТНИКОМ ГРУЗИНСКОЙ ИЛИ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

АРМЯНСКУЮ ЭПИГРАФИКУ РАЗНОГО ВРЕМЕНИ МОЖНО НАЙТИ НА БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ, РАВНО КАК И ГРУЗИНСКУЮ ВО МНОЖЕСТВЕ МЕСТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АРМЕНИИ. И ХОТЯ КИЛИКИЙСКОЕ ЦАРСТВО НИКАК НЕ ВХОДИТ В РАМКИ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ, И ТЕМ БОЛЕЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТНЕСЕНО К НУКЛЕУСУ АРМЯНСКОГО ЭТНИКОСА, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ЯЗЫК НЕ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ НАЗВАТЬ ЕГО АРМЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДИАСПОРОЙ..

В то же самое время и диаспора, как бы ее ни понимать, находилась в состоянии такой же перманентной пульсации. Отдельные ее составляющие части то увеличивались в размерах, то вновь уменьшались вплоть до полного исчезновения, меняли свой статус в странах пребывания, приобретали в каких-то сферах общественной жизни лидирующую роль или, напротив, теряли ее. В любом случае, основные точки роста армянского этнокультурного достояния, особенно после утраты последних остатков национальной государственности, находились не в ядерной (нуклеарной) части этникоса, а как раз в диаспорных ответвлениях, от Константинополя и Венеции, до Калькутты и Мадраса. Все это делает исследование армянской этнической истории и генезиса общеармянской национальной культуры чрезвычайно сложным предприятием.

Еще более сложной представляется проблема армянского этногенеза. Как уже говорилось, армянский язык относится к индоевропейской семье, занимая в ней обособленное положение. Фонетический облик слов армянской речи претерпел больше изменений и дальше отошел от исходного источника нежели в любом другом языке данной семьи.

Проблема прародины носителей индоевропейского праязыка продолжает оставаться дискуссионной, но в самом общем смысле многообразие точек зрения сво-

дится к двум альтернативам: Северное Причерноморье от Дуная до Дона, либо Южное Причерноморье от Босфора до Чороха. Впрочем, возможен, хотя и маловероятен и циркумпонтийский вариант, в котором это противоположение снимается. В первом случае армяне появляются в Малой Азии извне через Балканский полуостров со стороны Босфора. Во втором случае выделение армянского языка и племенной этничности происходит внутри первичного индоевропейского ареала и, таким образом, армяне становятся единственным народом в индоевропейской семье, который сохранился на территории своего первичного формирования, хотя и мог претерпевать отдельные подвижки.

Это, естественно, никак не отменяет возможность и необходимость поиска в этногенезе и глоттогенезе армян субстратных или суперстратных компонентов. Так, наличие явных взаимодействий древнеармянского языка с раннекартвельскими диалектами, причем, в основном, в их западной мегрело-лазской части, несомненно. Этот, на первый взгляд кажущийся парадоксальным факт, свидетельствует в пользу локализации прародины армян в районе верховий Чороха, Куры и Карасу. Т.е., по-видимому, первоначальные этнические территории предков грузин и армян находились в тесном соседстве.

Сложнее вопрос о северокавказских, а более узко нахско-дагестанских, и еще более узко урарто-хурритских воздействиях. Топонимы Урарту, Арарат и Армения можно, с определенными ограничениями, рассматривать как синонимы. Но этнонимы урарты и армяне так рассматривать нельзя. Урарты как и хурриты растворились среди других народов и сошли с исторической сцены как обособленные целостности, но ассимиляция армянами других, более поздних народов нахско-дагестанского мира продолжалась и много позднее, а учитывая современное положение удин, можно сказать, что продолжается она и по сей день.

Что касается урартов, то в разных участках пространства и времени они могли выступать по отношению к армянам и в роли субстрата и в роли адстрата или суперстрата. Эти сложные языковые и культурные взаимоотношения в пределах Южного Кавказа и сопредельных областей с участием предков армян, грузин, ираноязычных племен и народов и многочисленных народов Северокавказской семьи, можно в какой-то мере сравнить со сложными конфигурациями межэтнических отношений романских, германских и кельтских компонентов в складывании современной этнолингвистической карты Западной Европы.

Надо сказать, что все вышеизложенное отнюдь не является исключительным достоянием профессиональной академической науки. Разные варианты представлений об этногенезе и древней истории армян от солидно научно обоснованных до совершенно произвольных и фантастических, но закамуфлированных под научность, имеют широчайшее хождение среди массовых читателей, профессиональных (и не очень) писателей и даже мало читающих обывателей, распространяясь через школьное преподавание, СМИ, научно-популярную, а нередко и откровенно антинаучную литературу, и формируют в целом определенную арменоцентрическую, глубоко и пристрастно заинтересованную в понимании и трактовке своей истории, ментальность.

Младший брат моего одноклассника, Рачика Айвазяна, мой давнишний приятель Сурик Айвазян, в бытность студентом геологоразведочного института вместе со мной и парочкой других студентов организовал в Москве, в начале 1950-х годов, неформальный кружок по изучению армянского языка и истории, которые мы, как

преимущественно русскоязычные уроженцы Тбилиси, знали весьма поверхностно. Окончив институт, Сурик уехал работать в Армению и за свои труды в области ее геологии даже удостоился премии имени Ленинского Комсомола. Однако позже он разочаровался в геологии, занялся дилетантской историей и даже опубликовал ряд получивших большую популярность книг. В одной из них, в частности, он доказывал с помощью разных фантастических построений исконное родство армян, русских и этрусков, указывая, например, что слово этрусск и по-русски означает «это русские» и по-армянски «эд руск» означает то же самое. Многочисленные труды Сурика издавались достаточно большим тиражом и среди малообразованных армянских читателей имели огромную популярность.

Мы встретились в Ереване в начале 2000-х годов спустя сорок лет после нашего расставания. Мы радостно приветствовали друг друга, но когда пришедший на мою лекцию седобородый Сурик убедился, что я весьма критически отношусь к его этногенетическим построениям, он вместе с группой своих почитателей тихо удалился и более мы не встречались. Очень жаль, что это звучит как скверный анекдот, но действительность такова, что очень большое количество гиперпатриотически настроенных по отношению к своей истории армян, реальным научным знаниям предпочитают подобные лженаучные измышления.

Другой и чрезвычайно значимой гранью исторической ментальности армян является ее виктимный аспект. В мире нет народа, который в какие-то моменты своей истории не становился бы жертвой злополучных событий – междоусобиц, иноземных нашествий, проявлений религиозного фанатизма, природных катаклизмов. Однако, история армян может считаться, наряду с историей еврейства, особенно многострадальной на этом общем фоне. Самыми мучительными были те века, когда практически вся историческая Армения находилась под гнетом Османской империи.

Многие века страданий и унижений сфокусировались в народном сознании в одном страшном событии – геноциде 1915 г. Собственно говоря, это был больше чем геноцид, а скорее нечто подобное предтече Холокоста, так как помимо массовых убийств, унесших по разным оценкам жизни от полумиллиона до полутора миллионов человек, при общей численности армянского населения в этом регионе тогда около двух миллионов человек (!), резня сопровождалась осквернением святынь, уничтожением памятников культуры, разгулом сексуального насилия, жестоким обращением уцелевших в иную веру и прочими издевательствами. Поэтому, наверное, нет ни одного армянина, даже в тех группах и общинах, которые находились далеко от основного ареала кровавых событий и непосредственно от них не пострадали, у которого в душе не было бы кровоточащей раны или хотя бы ноющего шрама, оставленного этой, уже довольно давней, более чем столетней, но никак не поддающейся забвению трагической катастрофой.

Современная Республика Армения занимает едва одну десятую всей территории исторической Армении, а ее население (не более трех миллионов) составляет менее трети общего числа всех армян мира. Но можно надеяться, что пусть и в таком урезанном масштабе, Армения наконец обрела окончательную и гарантированную международным сообществом независимость и более или менее успешно продвигается по пути построения и совершенствования своей, еще очень молодой государственности.

У армянского национального государства много трудных проблем. Его географическое положение не вполне благоприятно. Со всех сторон оно окружено госу-

дарствами, которые относятся, как правило, к Армении не очень дружелюбно, а порой и неприкрыто враждебно. Транспортные коммуникации с внешним миром затруднены и недостаточно надежны. Армения бедна ресурсами, здесь очень мало полезных ископаемых, совсем нет природных энергоносителей – угля, нефти и газа, почвы относительно мало плодородны и каменисты, леса в большинстве районов отсутствуют, климат суровый и засушливый, источники воды, помимо нуждающегося в восстановлении нормального уровня озера Севан, почти везде в дефиците. Единственный действительно неисчерпаемый ресурс Армении это трудолюбие, стойкость, талант и высокий культурный уровень ее народа.

Война могил

Из разных разделов социальной антропологии психологическая антропология, или, как еще обозначают эту дисциплину – этническая психология, является, пожалуй, самым спорным и вызывающим наибольшие разногласия, предметом.

Мы знаем, что в так называемом национальном характере между японцами и филиппинцами есть существенные черты сходства, но вряд ли можно оспаривать, что японцы бережливее филиппинцев. Более высокая бережливость японцев может быть доказана статистически, процентом финансовых средств, откладываемых гражданами страны относительно своих доходов на накопительные счета банков. С другой стороны, японцы нередко тратят отнюдь не меньшие, чем филиппинцы, суммы на престижное потребление, например, на угощение несуразно большого, с западной точки зрения, количества гостей при организации свадеб, торжественных приемов и других знаковых сборищ. Так же вряд ли можно оспаривать, что среди японцев найдется немало мотов, способных превзойти в расточительности самых щедрых филиппинцев. Да и среди филиппинцев найдется «скупой рыцарь», и не один. Так вправе ли мы вообще объективно говорить о существовании национальных черт характера?

Из каких источников мы черпаем сведения об этом, столь неоднозначном предмете?

Конечно, о бережливости мы можем судить по статистике накопительных счетов, хотя какая статистика возможна для тех бережливых, что хранят деньги под матрасом? Для филиппинцев это вполне приемлемый способ хранения, японцу же и в голову не придет, что деньги могут храниться где либо, кроме банка.

Допустим, мы сравним уровень чистоплотности у живущих рядом где-нибудь в Юго-Восточной Азии или на Антильских островах голландцев и индийцев по расходам воды и мыла. Чистоплотность голландцев, которые моют мыльной водой полы, крыльцо, ступени и даже участок тротуара перед входом, вошла в поговорку. Правда, наблюдая поведение голландских хозяек по утрам в Амстердаме, я мог заметить, что вода, используемая для мытья дорожек и ступенек, это не специально заготовленная мыльная пена, а уже использованная мыльная вода, оставшаяся после стирки. Голландцы пользуются водой из водопровода, платят за нее и стараются расходовать наиболее экономно.

Индийцы же для мытья тела используют арычную воду, которая тратится в немереных количествах, часами намыливая и расчесывая как волосы на голове и борюду, так и все тело, притом не снимая набедренной повязки. Что касается ступенек

крыльца и пола веранды, то их для защиты от насекомых и всяких загрязнений периодически как белят, так и еще чаще обмазывают смесью коровьего навоза с мелкорубленной соломой и, впрочем, индусы такого же мнения о самих голландцах и прочих европейцах, которые, например, могут зайти на чисто подметенный каменный пол жилища и даже залезть на тахту в той же обуви, в которой ходили по улице.

Участвуя в исследованиях населения Индии по физико-антропологическим программам, я могу засвидетельствовать безупречно чистое состояние кожных покровов у всех слоев населения, включая беднейшие. Но кучки засохших нечистот можно видеть и посреди прекрасных песчаных пляжей, и по обочинам дорог, и под стенами домов, и на их плоских крышах.

Такая трудно определяемая вещь, как национальная черта характера, чаще всего и выпуклее всего отражается в анекдотах, бывальщинах, поговорках и других типах оформления стереотипических и автостереотипических обывательских представлений, и в этом смысле рассуждения о характерном для грузин мотовстве и армянской бережливости, состоятельны не более, чем такие же рассуждения о различиях между филиппинцами и японцами.

Однако, не пытаясь дать конкретный ответ на вопрос существуют ли реальные и объективные различия в национальном характере между грузинами или армянами, японцами и филиппинцами, поляками и евреями, китайцами и индийцами, голландцами и малайцами, или же эти различия являются мифическими и фантомными, зыбкими и ускользающими от рационального толкования представлениями, мы попытаемся рассказать, используя, в основном, свой достаточно субъективный опыт и довольно обрывочные и случайные, сформированные в значительной мере зигзагами собственной жизни наблюдения, о том, как эти представления формируют вполне реальные обстоятельства жизни отдельных людей и больших людских сообществ, и заставляют их порой с оружием в руках оказаться по одну и ту же, или, напротив, по разные стороны баррикад.

Я РОДИЛСЯ, ВЫРОС И ПОВЗРОСЛЕЛ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОРОДЕ ТБИЛИСИ, КОТОРЫЙ В ГОДЫ МОЕГО ДЕТСТВА ЕЩЕ НАЗЫВАЛСЯ ТИФЛИС, ГДЕ СРЕДИ ТРИДЦАТИ МАЛЬЧИШЕК ОДНОГО КЛАССА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ШКОЛЫ ИМЕЛИСЬ И АРМЯНЕ, И ГРУЗИНЫ, И РУССКИЕ, И ЕВРЕИ (ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ТРЕХ РАЗНЫХ СОРТОВ: АШКЕНАЗИ, ГРУЗИНСКИЕ, САМЫЕ ДРЕВНИЕ ИЗ ВСЕХ, И Т.Н. ГОРСКИЕ).

Более половины мальчиков были детьми от смешанных браков, в том числе армянско-русских, грузинско-армянских, грузинско-греческого, еврейско-осетинского, польско-армянского, датско-грузинского, русско-грузинского, и, кажется, каких-то еще, о которых с точностью и вспомнить трудно.

Класс наш был очень дружным, в нем не было и намека на проявление антисемитизма или ксенофобии, хотя вспоминается, что частым объектом для буллинга был мальчик с еврейской фамилией, сын довольно щедедушного мастера слесарных работ и огромной и очень агрессивной казачки – уроженки кубанской станицы. Помню, как мы сочувствовали в 1949-м году выпускнику класса, бывшего на год старше нас, который, будучи совершенно гениальным математиком, именно из-за пресловутого пятого пункта не смог поступить ни в один столичный университет, хотя все-таки поступил в университет в Воронеже и, кажется, сделал в дальнейшем неплохую научно-математическую карьеру.

Мы были взрослыми мальчиками и все несправедливости социализма сталинского разлива, в том числе и привилегии и дискриминацию по национальным основаниям, осознавали очень четко и готовились в полной мере столкнуться с ними по окончании школы. Понимал это и я, и прекрасно зная, что востоковедческий факультет Тбилисского Университета для меня закрыт, а единственный доступный – это историко-филологический факультет Тбилисского русского пединститута имени Пушкина, я, используя право медалиста, ухитрился поступить в Московский Институт Востоковедения.

Некоторые, неблагоприятные анкетные обстоятельства (наличие родственников за границей, их принадлежность к дворянскому сословию, причастность иных к Белогвардейскому движению или бывших в немецком плену и окружении) мне пришлось утаить, но без этого риска мои жизненные планы состояться не могли.

Надо сказать, что, во всяком случае в тех кругах, в которых мне и моим родным приходилось вращаться, серьезных проявлений ксенофобии, антисемитизма или антиармянства (явления очень похожие друг на друга) заметно не было. Люди встречались, дружили семьями, участвовали в различных совместных мероприятиях, казалось, не придавая существенного значения этнической принадлежности друг друга.

У меня лично было как бы два круга родственников и их знакомых. Один – это были мои армянские родственники, вполне приобщенные к общероссийской культуре, пожалуй для них она в те годы, до начала ВОВ еще не успела преобразиться в советскую. Слова «совок» или какого-либо похожего выражения тогда не существовало, но отношение к сформировавшемуся «советскому образу жизни» было, мягко говоря, амбивалентным. Это был довольно обширный круг родственников между собою Арутюновых, Багдасаровых, Сааковых и множества их знакомых, друзей и свойственников. Это были армяне, но практически все грузиноязычные, социально до революции принадлежавшие к среднему и мелкому купечеству с зажиточно крестьянскими корнями, как правило успевшие получить образование в гимназиях или реальных училищах, и полностью приобщенные к основам русской культуры и литературы. В своем кругу они говорили преимущественно по-грузински, русским владели очень хорошо, а армянским, напротив, почти не владели, и с высокой армянской культурой, скажем с творчеством Туманяна, Раффи и Исаакяна, были знакомы в основном по переводам на русский язык.

Друзья и подружки мамы и бабушки почти все социально принадлежали к бывшему дворянскому сословию, и их вкусы и ценности сформировались еще до революции. Простое перечисление их фамилий – Астаховы, Потаповы, Денфферы, Эссены, Корнельсены, Кохаси, Барнавели, Твалчрелидзе, Хорава – уже показывает, что это были в социальном плане сохранявшиеся пережитки еще имперской России, ее не слишком знатной, но все же преимущественно потомственно дворянской, чиновно-служивой, довольно космополитической русско-польско-немецко-грузинской прослойки, как правило хорошо владевшей не только русским, но и одним-двумя из соответствующих их этничности языков, а также, безусловно, французским (но не английским). Практически мне не припоминается ни одной еврейской фамилии и лишь очень мало армян, по настоящему вхожих в этот круг. Но и моя мать и обе ее сестры были замужем за армянами (старшая сестра Татьяна первым браком за грузином).

Среди населения Тбилиси той поры были люди разной языковой компетенции, чьи дети обучались в грузинских, армянских и в двух, имевшихся в городе азербайд-

жанских школах. Не только сами эти дети, но и их родители более или менее понимали по-русски, в отличие от жителей близлежащих сел, но это были люди совершенно иного культурного уровня и их русский язык скорее можно было назвать своего рода местным пиджином, это был совсем другой культурный круг, мало пересекавшийся с кругом образованных горожан. А среди образованных горожан основным языком был, безусловно, язык Пушкина и Толстого, а основным аккаунтом литературного тезауруса были другие Толстые, а также Чехов, Булгаков, Блок, Есенин и далее по основному списку.

Кроме собственно грузин, не так уж много людей хорошо знало грузинскую литературу и вообще грузинскую словесность XIX–XX века, а лучшие произведения современной для того времени армянской литературы, от Абовяна до Ширван-Заде, были знакомы, пусть и довольно многим, но почти всецело через русские переводы. В общем, русская культура в восприятии образованной публики практически всего Закавказья, которое до 1936 года не случайно политически было оформлено как ЗСФСР, решительно доминировала.

Конечно, какие-то отголоски представлений о примате грузинских «дворянских» ценностей над армянскими «буржуазными», какая-то отрывка дореволюционного антисемитизма и даже какие-то намеки на потаенную антисоветскую фронду при интуитивном ассоциировании «советского» с «новорусским» имели место. И все же, общее настроение интернационализма не только в предвоенные, но и, в значительной мере, в военные и послевоенные годы было гораздо сильнее, чем то, начавшееся уже в 20-е годы, и все более и более набиравшее в дальнейшем обороты противостояние местного русскому, которое так открыто проявлялось в Украине, Татарстане, республиках Средней Азии, не говоря уже о несмешивающихся, как вода и масло, русско-советских и туземных аспектах культуры в Прибалтике, проявившихся еще до ее, так называемой, советизации. Несколько уходя в сторону от основной темы нашего обсуждения, должен сказать, что в преимущественно интернационалистической атмосфере довоенного Закавказья не было сколько-нибудь существенного привкуса, хоть чем то похожего на американский жесткий расовый дуализм или дуальную и даже множественную отчужденность венгров и румын, немцев, поляков и евреев, японцев и корейцев, вьетнамцев и китайцев, индусов и мусульман, какие приходилось наблюдать практически во всех странах, где мне довелось изучать межэтнические отношения.

В дореволюционной России формально, перед крестившимся иудеем открывались решительно все двери. Однако поговорка: «Жид крещеный – вор прощенный», ярче, чем что либо иное, рисует глубину юдофобских настроений, в той или иной мере сохраняющихся в подсознании иного российского обывателя и по сей день. Очень сходные индикаторы можно найти и в отношении татар, не говоря уже о прочих мусульманских народах России, и в отношении немцев, так и не дождавшихся восстановления своей автономии, и тех народов, которые обладают более или менее выраженными монголоидными чертами.

В послевоенной Грузии существенной помехой для карьеры могла быть армянская или русская фамилия. Греческая или абхазская воспринимались, скорее, как вариант грузинской, а смена фамилии на бесспорно грузинскую, в особенности для детей смешанного происхождения, вообще снимала какие бы то ни было проблемы.

В русском языке суффикс «ИЯ» практически универсально увязывает название области или страны с преобладающим в ней этносом – Калмыкия, Киргизия, Испания, Греция и т.д. вплоть до таких журналистских новообразований как Казакия, Помория, Юагирия и т.д. В грузинском языке такую же роль играет суффикс «ЕТ», опять таки наращиваемый суффиксом «ИЯ» в переложении на русский: Осетия, Сванетия, Имеретия, Кахетия и пр., и только грузинское слово, означающее Грузия, этому правилу не подчиняется. Грузины по-грузински – картвели, а Грузия – Сакартвело, буквально «для грузин». В случае с армянами в грузинском языке избран своего рода гибридный путь: армянин по-грузински – сомехи, а Армения – Сасомхети.

Конечно, можно только радоваться, что разногласия между грузинами и армянами, если они и есть, не принимают таких уродливых форм, как армянско – азербайджанские, где даже символические жесты порою безо всяких дополнительных усилий перерастают в пулеметные очереди и залпы «Градов», где продолжают взрываться мины на пастбищах и виноградниках, и люди погибают, будучи заложниками неизвестно чего и неизвестно ради чего. Напомню, что такая ситуация продолжается не год, не два, а уже ровно тридцать лет, начиная с провозглашения отделения Нагорного Карабаха, при разных лидерах, разных режимах и в разной глобальной геополитической обстановке. Но на фронте символов, за барьерами незримых баррикад страсти продолжают вскипать то там то тут, и по другим линиям разлома: в Абхазии и в «Южной Осетии», она же Шида Картли, она же Самачабло, она же Цхинвальский регион, (и, наверное еще ряд топонимов, один политкорректнее другого,) так или иначе вооруженный конфликт подспудно тлеет еще дольше.

Я не помню какие были первые выученные мною буквы, но хорошо помню, что уже в возрасте трех-четырёх лет я вполне был в состоянии прочесть надпись как минимум на четырех алфавитах – грузинском, армянском, русском и латинизированном тюркском (азербайджанском). Потом к ним добавился немецкий готический, еврейский квадратный, позже еще несколько, но это уже было за пределами Кавказа. Лишь арабицу, к большому сожалению, постичь мне так и не удалось, несмотря на многократные попытки, поскольку Советская власть ее искореняла особенно усердно. Впрочем, как оказалось, перед объединенными силами исламского подполья, в конечном счете, все эти усилия, по крайней мере в Дагестане, были вполне безуспешны. Но соотношение этих алфавитов в окружавшем меня письменном пространстве менялось. Последний раз, пребывая на грузинской территории, на международной конференции в Батуми в 2011 году, я не сразу понял, как беспомощны были мои польские, венгерские, австрийские коллеги за пределами стен университета: все вывески, надписи, указатели, даже граффити, все были сделаны на грузинском языке. Впрочем, надписи церковного и религиозного содержания не так то легко прочесть и коренным грузинам, поскольку грузинский язык в этих случаях использует особые, восходящие к VI веку алфавиты, а современный гражданский алфавит, которым пишется и печатается 98% процентов текстов, существует только с X – XI века.

Художественную, а также учебную и научную литературу, газеты, журналы я читал, главным образом, по-русски. Кое что по-французски или по-немецки. Азербайджанские и армянские тексты прочесть было не трудно, но далеко не всегда они были понятны, не считая самых простых, на начальном школьном уровне, при этом огромное количество грузинских и армянских текстов, впрочем, как и русских, я читал на могильных плитах. Даже в городе, в парках, садах, скверах, тут и там по-

падались памятники, стелы, плиты, мемориальные доски и тому подобные тексты на всех этих языках. В революционное и раннее послереволюционное время люди гораздо больше заботились об увековечении памяти усопших и погибших, чем в более поздние времена. Да и на протяжении всего XIX века созданию всякого рода мемориальных надписей, запечатленных когда на мраморе, а когда и на довольно неприязнательном металлическом листе, уделялось, как многим покажется нынче, непропорционально много внимания. При этом тогда еще никому или почти никому не приходило в голову объявлять увековеченные на могилах имена, именами классовых врагов, социально чуждых элементов или просто нежелательных персонажей.

Тем не менее, множество памятников, которые я видел и хорошо запомнил в 5-6-летнем возрасте, исчезли, причем не всегда могу сказать когда, куда и почему. Конечно, зигзаги генеральной линии партии, вместе с которыми колебалось и обывательское сознание, сыграли немалую роль в бесследном исчезновении персонажей и имен, но все-таки проваливающимися в небытие негрузин было явно больше, чем грузин и постепенно, хотя бы в наименовании улиц и переулков процент грузинских имен и фамилий все более нарастал. Большинство этих имен, принадлежавших не слишком значимым большевикам и мелким партийным деятелям очень мало кому были знакомы. В конце концов таковых было не так уж много, а улочек и переулков, да и других, требовавших переименования объектов, как в больших городах, так и в населенных пунктах поменьше имелось огромное число.

Но помимо увековечения тривиальных мелких революционеров, попадались и действительно неординарные случаи. Думаю, что только в Тбилиси имелась улица явно опального историка Куфтина, весьма достойного, но мало где, помимо Грузии, известного ученого Мари Броссе, и вряд ли где либо еще в СССР имелась улица имени великого французского скульптора Огюста Родена. Потому что когда горсовет вознамерился увековечить имя прекрасного скульптора Якова Николадзе, то сам скульптор потребовал, чтобы сначала воздали должное имени его покойного французского учителя.

Я родился и вырос на Орбелиановской улице. Она называлась так, надо полагать, еще с XVIII века, ибо там располагалось подворье армяно-грузинского (изначально грузинского, но потом ставшего в большей мере армянским) княжеского рода Орбели/Орбелиани/Орбелянов. В потоке переименований дореволюционное название Орбелиановская поменяли на улицу Орбеляна, но через год или два городские власти спохватились и заменили ее табличкой «ул. Г. Орбелиани» в честь не самого выдающегося писателя-представителя этого рода, но дело в том, что улица Сулхан-Саба Орбелиани, великого ученого-лексикографа XVIII века уже существовала в совсем другом районе города. Через какое-то время моя улица стала просто улицей Орбелиани, а другая просто улицей Сулхан-Саба.

Наверное, про перипетии судеб микротопонимов Грузии можно было бы написать отдельную, большую и увлекательную книгу. Особыми главами в ней были бы истории топонимов Абхазии и Южной Осетии, многие из которых изменялись многократно, но это совершенно особая тема. Могу лишь сказать, что с ходом времени русские и армянские по своим основам топонимы становились все малочисленнее, а нынче их, кажется и вовсе не осталось, кроме разве что Пушкинской улицы. Главная же площадь города попеременно была до установления российского владычества Караван-Сарайской, затем, после преобразования Эриванского ханства в одноимен-

ную губернию Российской Империи, стала Эриванской, затем на короткое время площадью Свободы, далее площадью Республики, потом на довольно длительный срок площадью Л.П. Берия, после развенчания или, если угодно, «разоблачения» какового, она стала называться площадью Ленина, а с провозглашением независимости Грузии вновь площадью Свободы и никто не поручится, что ее в будущем не ждет еще несколько очередных звучных имен. Такие примеры можно было бы умножать едва ли не до бесконечности.

Дореволюционный Тифлис был в гораздо большей степени, чем Ереван или равноценный ему в те времена по значению Александрополь (позднее Ленинакан, а ныне Гюмри), очагом армянской культурной жизни, и в многонациональном населении города, армяне были многочисленнее всех других, даже «титульной нации». Но культурный круг моих родителей, их близких и друзей, бесспорно был по преимуществу русским. Поэтому, будучи благодаря им неплохо знаком как с классической русской так и с западноевропейской – английской, немецкой, французской литературой и культурой, – я до 12-ти лет сравнительно мало соприкасался с грузинской и, тем более, армянской словесностью. Правда, был источник, который в какой-то мере восполнял этот пробел. Источник этот был эпиграфическим. Жаркие летние месяцы в довоенные и предвоенные годы детские и подростковые компоненты, как нашей большой семьи, так и семей наших знакомых, проводили в дачных и сельских местностях Грузии: в Кахетии, Джавахетии, в Абхазии, Аджарии и в более близких окрестностях Тифлиса, и специфика этих мест была такова, что более всего игры и прогулки младшего поколения сосредотачивались в районе старых, по большей части даже заброшенных кладбищ. Они состояли не столько из собственно могил, сколько из старых, полузабытых, нередко наполовину вросших в землю, но почти всегда покрытых наивной, чисто народной резьбой и многословными резными надписями надгробных плит разной величины и формы. Надписи эти были еще видны достаточно отчетливо, а читать я умел на всех, употребляемых в годы их создания, языках. Конечно, это было довольно однообразное по тематике чтение, но от этого не менее интересное, а времени разбирать эти письмена у меня было более чем достаточно. Шумные и подвижные игры, преимущественно с более старшими детьми меня не очень привлекали.

Склонность к чтению кладбищенской эпиграфики сохранилась у меня и позже, и я охотно занимался им, пока сохранял достаточную подвижность, вплоть до начала XXI столетия. Я старался удовлетворить эту сторону моего любопытства и во Франции, и в США, и в Японии, и в Черногории, но более всего, конечно, на кладбищах сел и малых городов Армении и Грузии, и многие места мне удавалось посетить неоднократно со значительными интервалами во времени. Не буду утомлять читателя подробностями об интереснейших наблюдениях, которые мне удалось почерпнуть во время этих увлекательных экскурсий. Многие кладбища в холмистых и гористых районах размещаются на достаточно крутых склонах и, как человеческая деятельность, так и природные процессы ведут со временем к их существенному преобразованию и разрушению. При этом в Грузии я замечал, что на протяжении примерно 60-ти лет, вплоть до начала 2000-х годов в ходе этих, скорее природных, чем антропогенных разрушений, более всего страдали и даже полностью исчезали преимущественно надгробия с русской и армянской эпиграфикой, а грузино-язычные памятники все более умножались. Это вполне понятно и отражало параллельно

шедший процесс увеличения доли грузинского компонента среди ныне живущего населения больших и малых городов и сел Центральной и Восточной Грузии, в том числе и самого Тбилиси. Но, кроме этих, более или менее естественных процессов и изменений немалую роль в исчезновении старых, притом не грузинских по своей маркировке могил играла и целенаправленная, не побоюсь этого слова, кладбищенская политика. И в детстве и в юности, и вплоть до ухода из жизни моего отца (1983 г.) любимым местом проведения моего досуга в Тбилиси был великолепный ботанический сад. В силу специфики топографии города он находится совсем недалеко от официального центра, но отделен от города небольшим и легко преодолимым как по шоссе, так и по пронзающему его тоннелю Сололакским хребтом. С 1950-х годов хребет венчает как бы осеняющая город и хорошо видная со многих мест в центре города огромная фигура Матери-Грузии, и, левее ее, развалины цитадели Нарикала, а за хребтом расположился сам ботанический сад, с протекающей по нему речкой Легвта-Хеви. За речкой территория сада переходила в пустырь, частично занятый мусульманским (в основном азербайджанским) кладбищем, а у подножия развалин Нарикалы размещался населенный преимущественно азербайджанцами «Баный квартал» и шиитская мечеть. Кладбище было очень живописным и особое обаяние ему придавали несколько небольших, но изящно декорированных кирпичных мавзолеев и ряд больших могильных плит, покрытых затейливыми арабесками и надписями арабской вязью. Поскольку арабицу я читать не умею, то о содержании этих надписей мог только догадываться, и заходил на кладбище лишь изредка. Но в пределах самого сада, недалеко от выхода в сторону мечети была одна могила, которую я посещал почти каждый раз, когда приходил в сад.

Это была невысокая, чуть больше метра, усеченная пирамида, образованная четырьмя мраморными плитами. Впервые я увидел ее еще подростком в 12-ти летнем возрасте и до сих пор клянусь за то, что в свое время не скопировал этих надписей и даже не запомнил имени погребенного под нею человека. Могу сказать только, что это были обычные, очень типичные для азербайджанца имя, отчество и фамилия. Но надпись на четырех плитах, и соответственно на четырех языках – русском, грузинском, армянском и (арабицей) азербайджанском – я запомнил очень хорошо. «Дорогому (имярек), павшему жертвой гнусной провокации (... числа) 1905 года от его сотоварищей по цеху мясников».

Надо сказать, что до начала 1930-х годов большинство ремесленников и мелких торговцев и предпринимателей Тбилиси (тогда еще Тифлиса) были организованы в многочисленные цеха: пекарей, кузнецов, гончаров, ковроткачей, сапожников, портных, мельников и т.д. Среди мясников преобладали азербайджанцы, среди кузнецов армяне, но в целом это были вполне интернациональные по своему духу организации, восходящие по времени образования к средневековью, и сохранявшие многие средневековые атрибуты – свои цеховые праздники, мифических святых покровителей (невзирая на поликонфессиональный состав любого цеха), цеховые знамена и тому подобное. Наверное, мне было года 2-3, но я еще смутно помню проходивший в Александровском саду, наверное, последний цеховой праздник, очевидно посвященный самороспуску цеха, хотя я уже не могу сказать какого именно. Эти цеха в 1930-е годы были преобразованы в артели или какие-то иные, соответствующие советскому укладу жизни организации и быстро стерлись из памяти горожан. Но могила в ботаническом саду оставалась замечательным памятником реальной друж-

бе народов, настоящему интернационализму и гуманизму трудящегося населения Тбилиси. Оставалась до какого-то момента, когда, наверное в 1950 каком-то году, придя в ботанический сад в очередной мой приезд в Тбилиси (уже будучи студентом в Москве), с ужасом я не увидел ее на своем месте. Она была просто стерта с лица земли и ничто, кроме неуместно расширяющейся садовой дорожки, не напоминало о ее многолетнем существовании. Куда делись мраморные плиты, озаботился ли кто-нибудь об их сохранении где-то в подвале, или они просто были разбиты и выброшены в речку, я не знаю.

Сначала я подумал: «Какой же дурак не сделал из этой могилы пропагандистского пособия по пролетарскому интернационализму». Но потом сообразил, что интернационализм получился бы не столько пролетарский, сколько мелкобуржуазный, а кроме того, это шло бы вразрез с оформившимся в послевоенные годы и с тех пор только набирающим силу мелкотравчатым грузинским шовинизмом, пока наконец Тбилиси, некогда бывший центром всего многонационального Кавказа, не превратился в прекрасный, но сугубо именно грузинский и только грузинский город.

Следующие этапы этой грузинизации кладбищ Грузии я мог наблюдать в течение ряда лет все в том же ботаническом саду. Сначала были разрушены и поглощены весенним морем маков непритязательные, но полные своего очарования маленькие мусульманские мавзолеи, затем куда-то исчезли массивные, почти черные базальтовые плиты-надгробия. Кому-то пришлось с ними изрядно повозиться, я нашел их в дальнем углу сада в тенистом, постоянно влажном уголке рядом с водопадом и переброшенным через него мостом. Там они были сложены штабелем и слегка присыпаны землей. Но еще через пару лет их и там уже не оказалось, наверное, они все-таки где-то кому-то пригодились. Осталась и, полагаю до сих пор пребывает нетронутой лишь маленькая площадка, заполненная надгробиями семьи Ахундовых, в центре которой, среди вросших в землю плит высилась, и, может быть высится и по сей день примерно полутораметровая вертикаль, увенчанная бюстом Мирзы Фатали Ахундова – ведущего среди прогрессивно-либеральных демократов Азербайджана XIX века. Ввиду большого исторического значения этой личности, площадка, занятая могилами его клана, смогла уцелеть, но была окружена уродливой железной оградой, в принципе совершенно не свойственной мусульманским кладбищам и заросла молодыми деревьями. Можно предположить, что столь соблазнительное место на горе будет очень востребовано для бурно развивающихся новостроек Тбилиси.

Я рассказал здесь лишь о маленьких локальных эпизодах той грандиозной войны могил, которая развернулась по всему Кавказу еще с момента зарождения своих национальных буржуазий в XIX веке, с вхождением Кавказа и Закавказья в гигантский, начинающий развиваться механизм имперской капиталистической экономики с неизбежно свойственными раннему капитализму националистическими и шовинистическими тенденциями. Объектами агрессии становятся захоронения любой национальной принадлежности, кроме господствующей в данном ареале.

Пожалуй, менее всего истребляющая враждебность направлена как раз против мусульманских могил, но это в немалой степени потому, что пиетет по отношению к рядовым могилам вообще мало присущ исламу, простые могилы зачастую никак не маркируются и исчезают сами по себе. Исключения составляют захоронения выдающихся своей святостью и общественным значением людей, но в этих случаях

сооружаются либо мавзолеи либо на месте захоронения возникает так называемый зиярат – обширные и имеющие сложную структуру места поклонения.

В Грузии и Армении мавзолеи имелись и отчасти сохраняются, хотя многие из них были разрушены в соответствии с советской установкой борьбы с религиозными сооружениями, но зияратов я нигде не встречал. На Северном Кавказе зияраты есть практически в каждой республике, но более всего в Ингушетии, Чечне и Дагестане. Надо учесть, что традиции сооружения погребальных склепов, которые не всегда можно отграничить от мавзолеев, уходят на Северном Кавказе своими корнями еще в языческую доисламскую эпоху, а в форме дольменов едва ли не в эпоху неолита. Случаев вандализма по отношению к ним известно немало, но, как правило, националистической подоплеки они не имеют.

Армяне, напротив, с момента своего появления на исторической сцене, т.е. с V века до н.э., да и их трудно определяемые предполагаемые предшественники или протопредки отличались ярко выраженным стремлением отмечать все значимые места и в особенности захоронения изощренными и разнообразно изукрашенными резными каменными фигурами. С христианизацией Армении, официально провозглашенной в 301 году, излюбленной формой таких памятников стал хачкар, буквально крест-камень. В самой Армении хачкары встречаются на каждом шагу, геологическая структура Армении, изобилующая мягким, легко режущимся камнем, таким как туф разных оттенков и фактур, конечно, немало этому способствовала. Хотя в различных районах Армении могли и могут быть популярны иные формы резных каменных надгробий, хачкары встречаются тут повсеместно. Иногда это просто каменные глыбы с безыскусно прорезанными на них крестами, но гораздо чаще это тщательно отесанные стелы, с одной стороны украшенные сложнофигурным, т.н. процветшим крестом, иногда с надписью или датой, и, как правило, покрывающим всю крестonosную поверхность стелы причудливым орнаментом, нередко превращающимся в высокохудожественное каменное кружево. Но если собственно в Армении никто на их целостность не посягает, то за пределами страны они сплошь и рядом становятся излюбленными объектами вандализма. Наиболее показателен в этом плане Азербайджан.

Нахичеванский край, то есть протянувшаяся по левому берегу Аракса плодородная долина в прошлом безусловно был заселенной преимущественно армянами территорией, но и его благодатные природные условия, и выгодное положение на пересечении важнейших торговых путей этой части Юго-Восточного Закавказья, делали его ценным объектом вождельней правителей и завоевателей самого разного происхождения. В конце XIX – начале XX веков азербайджанцы составляли около половины его населения, до 40% здесь было армян, плюс небольшие включения других, занятых преимущественно в торговле этносов: персов, анатолийских турок, ассирийцев. Важнейшим торговым центром была здесь Новая Джульфа (Нор-Джуга), более чем наполовину населенная армянами. Именно здесь на протяжении XVI века, если не ранее, и до конца XIX века образовалось самое большое скопление хачкаров, служивших, в основном, надгробными памятниками. Подробные, хотя и неоднозначные сведения об их формировании и судьбе можно найти в Интернете, я укажу только, что общее их предполагаемое число варьирует от нескольких тысяч до десятка и более тысяч, но 6 тысяч на конец XIX века наиболее правдоподобная оценка. 700 с лишним изображений наиболее художественно ценных из них опубликованы в прекрасно изданном альбоме, а несколько десятков были вывезены в другие ме-

ста, более всего в Эчмиадзин и сейчас доступны для обозрения. Но многие сотни, если не тысячи других хачкаров, не вошедших ни в какие публикации, в не меньшей степени представляли собой шедевры филигранной, изысканной каменной резьбы. Не считая небольшого числа вывезенных в другие места для включения в художественные экспозиции стел, вплоть до распада СССР, джюльфинское поле хачкаров не подвергалось каким-либо переделкам и, тем более, намеренному осквернению.

Положение изменилось с провозглашением независимости Азербайджана и самостоятельного автономного статуса Нахичеванской республики. Первоначально появился ряд псевдонаучных публикаций, в которых они объявлялись культурным наследием якобы древнетюркского в своей основе, населения края, в дальнейшем вошедшего в состав формировавшейся азербайджанской нации. При этом христианская символика так или иначе имеющаяся на любом хачкаре, хотя бы в виде центрального изображения креста, объявлялась лишь преходящим этапом в ходе развития, этого якобы албанского, по своим этническим корням, населения. Однако, потом эта, не выдерживающая никакой критики концепция, была отброшена, и возобладала установка на полную облитерацию каких-либо следов немусульманского и нетюркского присутствия на территории Нахичеванского Края. В ходе реализации этой концепции, в конце XX и в первые годы XXI века в несколько приемов все хачкары джюльфинского поля памятников были выкорчеваны, разбиты на три и более частей каждый и либо вывезены в неизвестном направлении, либо просто сброшены в реку Аракс, а освободившаяся территория была занята подразделениями армии Азербайджана под стрельбищный полигон, и доступ на нее посторонним был перекрыт. Протесты мировой научной общественности на уровне ООН и Юнеско имели место, но остались беспардонно проигнорированы.

Имеются сведения об уничтожении армянских христианских памятников, в том числе и надмогильных, и из других территорий, принадлежащих Азербайджану, но в сегодняшней политической обстановке никакая проверка этих слухов невозможна. Что касается уничтожения джюльфинского комплекса памятников, то он хотя бы частично документирован фотосъемкой, сделанной рядом частных лиц, проводившейся с правого берега Аракса, являющегося иранской территорией. За пределами Азербайджана мне достоверно известен только один случай подрыва недавно установленного хачкара в селе Гайкадзор на территории Краснодарского края. По непроверенным данным этот подрыв был совершен группой суперрадикалов – националистов, якобы связанной с какой-то из самозванных, псевдо-казачьих организаций, но официального расследования, насколько мне известно, не производилось.

С другой стороны, при посещении армянской церкви во Владикавказе я мог видеть несколько весьма художественно ценных новых хачкаров, воздвигнутых по случаю столетия геноцида армян в султанской Турции в 1915 году.

На территории Грузии многие из старых армянских захоронений, и далеко не только армянских, исчезли в результате оползней, в ходе освоения заброшенных или реконструируемых кладбищ под новую застройку. Деятельность такого рода была особенно активна в 30-е годы XX века, и шла в русле общесоветской практики антирелигиозных мероприятий. Крупнейшим из таких мероприятий можно считать снос Ванского армянского собора в Тбилиси в 1938 году. Снос был осуществлен официально как входящий в план реконструкции квартала, расположенного между Колхозной площадью и улицей Бараташвили, переходящей в Мухранский мост через реку Куру.

Этот район в прошедшем и нынешнем веках вообще подвергся существенной реконструкции и реставрации. Так, Круглая башня на Курной улице, замыкающая орбелиановское подворье с юго-восточной стороны, пострадала от разрушительного действия времени почти на две трети своей высоты и была восстановлена по принципу частичного новодела более чем на эти две трети. Одну сторону улицы Бараташвили украсил многоэтажный, весьма эффектный жилой дом, сочетающий в своей архитектуре грузинские и общеурбанистические мотивы, построенный в конце 1940-х годов. Противоположная сторона улицы значительно позже была облагорожена путем сноса ветхих строений XIX века и на 80-90% восстановлена новоделной реставрацией крепостных стен XVII – XVIII веков.

Ванкский собор, крупнейшая армянская церковь в дореволюционной Грузии, был построен на средства армянского купечества Тифлиса в XIX веке и был одним из важнейших религиозных памятников мировой армянской общественности того времени. Особое значение ему придавало обширное кладбище при соборе, на котором были похоронены поэт и писатель Ованес Туманян, писатель романист Раффи, драматург Габриэл Сундукян и многие другие выдающиеся деятели армянской литературы и культуры, проживавшие, творившие и скончавшиеся в Тифлисе в конце XIX начале XX века. Хотя снос собора происходил в 1938 году, в разгар репрессивной деятельности Л.П. Берия, тем не менее, он вызвал активный и массовый протест армянского населения и, прежде всего, интеллектуальной общественности города. Чтобы как-то успокоить этот протест, было объявлено, что на освободившейся территории будет построена крупнейшая в городе армянская школа. Надо сказать, что она функционирует и по сей день, хотя большинство других армянских школ в Тбилиси преобразованы в грузинские, то есть с преподаванием на грузинском языке.

Что касается захоронений на кладбище при Ванкском соборе, то большинство из них было перенесено на противоположный берег Куры на Ходживанкское кладбище, расположенное на холме Элиа над историческим армянским кварталом Авлабар. Там нашли свое пристанище, как оказалось недолгое, десятки могил деятелей армянской культуры, но, в независимой Грузии в 90-х годах XX века район Элиа вновь стал местом грандиозного строительства грузинского православного Троицкого собора, которое вместе с другими церковными объектами поглотило практически всю территорию района Элиа вместе с Ходживанкским кладбищем и другими армянскими культовыми объектами. Достоверной информацией о том, куда были перенесены в очередной раз или просто вывезены со строительным мусором могильные памятники как XX так и ряда предшествующих веков, а так же хачкары и другие элементы Ходживанкского комплекса, я не обладаю, хотя в Интернете такие тексты есть.

Конкретные случаи уничтожения памятников, в том числе и надгробных, или попытки такого уничтожения, в Грузии отнюдь не редкость, хотя, конечно, по своим масштабам они не идут ни в какое сравнение с массовой кампанией по уничтожению следов армянского присутствия, проводимой в Азербайджане. Эти мероприятия, зачастую официально санкционированные местными властями, касаются не только и даже не столько армянских памятников, сколько вообще исторических артефактов советского и досоветского времени. Весьма интересные и даже художественно ценные документальные фильмы, равно как и устные фольклорные бывальщины, касаются, например, борьбы за снос и восстановление, релокацию и прочие операции, проводящиеся в отношении целого ряда памятников В.И. Ленину, И.В. Ста-

лину и другим большевистским деятелям. Иногда такого рода кампании приобретают совершенно гротескный характер: несколько лет тому назад нашлась группа ультранационалистов, которые потребовали демонтировать гробницу и памятник А.С. Грибоедова, открывающие вход на Пантеон, расположенный на склоне горы Мтацминда. Памятник этот был сооружен стараниями его безутешной вдовы княжны Нино Чавчавадзе. К счастью, протесты общественности довольно скоро похоронили эту нелепую инициативу, но в других, менее громких и не привлекающих общественное внимание случаях подобные выпады в наше беспокойное время, надо думать, будут снова иметь свои рецидивы.

S.A. Arutiunov. My Diaspora.

The material published above is mainly devoted to the author's personal observations in the mid- and late twentieth century on the situation of the Armenian population in different regions of the Caucasus and the attitude of the surrounding majority, as well as the administration towards Armenians, both to the population itself and to the memory of its presence.

Key words: *Armenian Diaspora, khachkar, cemeteries, burial.*